

поездку во Францию, С. Италию, Бельгию и Голландию. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://saltykov-shchedrin.ru/> приятного чтения!

Заметки в поездку во Францию, С. Италию, Бельгию и Голландию. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Н. И. Тарасенко-Отрешков. СПб. 1871

Какие ощущения должен испытывать русский человек за границу? зачем он туда едет? с каким образовательным запасом едет? – вот вопросы, которые невольно рождаются в уме читателя при виде книги, трактующей о впечатлениях, вынесенных из заграничного путешествия. И законность этих вопросов сделается вполне понятною, если мы припомним, что слова «за границей» до сих пор не утратили для нас несколько особенного, почти обаятельного значения.

Мы, русские, еще далеко не освободились от привычки отделять свое от заграничного, и притом отделять довольно резкою чертою. У нас свои порядки, свой жизненный строй, там – свои порядки, свой жизненный строй. Предположив даже, что, в крайних своих проявлениях, это различие своего от заграничного есть наследие прошлого, все-таки надо будет сознаться, что корень этого явления настолько глубок, что даже успехи настоящего не могут вполне уничтожить его. Стало быть, действительно в заграничной жизни было нечто иное, и притом не только в смысле племенном или климатическом, но и в смысле общественном. И надо думать, что это иное свидетельствовало не во вред заграничной жизни, ибо русский человек стремился за границу совсем не для того только, чтобы людей посмотреть и себя показать, а прежде всего для того, чтобы вкусить иных порядков, ощутить себя в иных жизненных условиях. Припомним заметки и письма путешественников сороковых годов (например, автора «Писем из Avenue Marigny»), и мы убедимся, что ощущение, испытываемое русским человеком за границей, было преимущественно ощущением человека, сознающего себя свободным от школьной ферулы. Он чувствовал себя развязнее, он сознавал себя вправе свободно мыслить и говорить и, весьма натурально, старался воспользоваться этим правом возможно широкой рукою, даже под опасением сделаться не в меру болтливым. Дома ему не было предоставлено ничего, кроме права быть мудрым, и потому за границей он прежде всего стремился воспользоваться правом поступать таким образом, как бы кодекс домашней мудрости был совершенно для него необязателен. Это была своего рода рекреация, которую человек сороковых годов пользовался, быть может, не всегда основательно, но в продолжение которой он несомненно чувствовал себя благополучным. Даже письма г. Погодина не вполне свободны от этого проказливого чувства, хотя мысль о московских кулебяках, по-видимому, ни на минуту не покидал почтенного автора. Пожить хоть год иною жизнью, а после, пожалуй, и опять сделаться мудрым до новой рекреации – вот чувство, которое говорит во всех сочинениях сороковых годов о заграничной жизни, и надо сказать правду, что чувство это производит на читателя впечатление не столько поучительного свойства, сколько дразнящего и вызывающего.

Таково предание прошлого. Разумно ли оно или неразумно – это вопрос иной, но оно утвердилось так прочно, что даже с учреждением в России новых порядков подверглось лишь весьма ничтожному изменению. Реформы следуют за реформами, а русский человек по-прежнему с ликующим чувством устремляется за границу и по-прежнему продолжает дразнить себя уладами тамошних порядков и жизни. Всем памяты появившиеся в начале сороковых годов статьи о Броках и Бруках, о китайских ассигнациях^{1} и проч., – статьи, не отличавшиеся особенным глубокомыслием и не имевшие никакой другой цели, кроме дразнения. Не далее как в прошлом году один русский путешественник-публицист не нашел лучшего способа выразить впечатление, произведенное на него заграничными порядками, как взойти на президентскую кафедру прусского парламента и с ее высоты произнести речь, сказанную Сквозником-Дмухановским чиновникам уездного города, посещенного Хлестаковым. И это было очень метко. Даже растленная Франция Наполеона III – и та казалась чем-то вроде эдема, и не только со стороны свободы разврата, но и со стороны свободы мысли и действия. Стало быть, причина, заставляющая смотреть на заграничный быт исключительно с дразнящей точки зрения, еще не упразднилась; стало быть, и до сих пор не утратился повод оттенять свое от заграничного, и притом оттенять таким образом, что свое от этого нимало не выигрывает. А из этого можно заключить, что исполинские шаги, делаемые нами на пути преуспевания, не лишены возможности сделаться еще более исполинскими.

Зачем ездил и продолжает ездить русский человек за границу? Ответ на этот вопрос, конечно, определяется личными наклонностями путешественников, но, во

поездку во Францию, С. Италию, Бельгию и Голландию. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shc всяком случае, можно сказать без ошибки, что каждый из них, каковы бы ни были его наклонности, льстил и льстит себя надеждой найти им больше простора за границей, нежели у себя дома. Нет спора, что существуют наклонности весьма неполезные, и надо сознаться, что при известных условиях общественности таковые составляют большинство. Как ни разнообразны домашние средства мудрого препровождения времени (умываться, одеваться, чистить ногти, делать визиты, завтракать, обедать, играть в карты, спать), но человеку, постоянно обязанному быть мудрым, самая мудрость скоро надоедает. Отсюда праздность, отвращение от труда, а затем и целая вереница низменного свойства наклонностей, в основании которых лежит исключительное стремление насладиться легко достающимися благами жизни. Человек, удивляющий дома степенностью своего поведения, приезжая в Париж, бежит в Мабиль и знакомится с ресторанами и домами терпимости. Приезжая в Италию, он делает на всю жизнь запас скоромных картин и статуэток. Несомненно, что такого рода любознательность не заслуживает особых похвал, но если взглянуть ближе на ее результаты, то даже и здесь можно найти стороны, до известной степени примиряющие. Во-первых, гадливое чувство, возбуждаемое деяниями праздных людей за границей, в значительной степени умеряется тем соображением, что круг, в котором эти деяния происходят, ограничен и безвестен. Одни умные дела громки и влиятельны; глупые дела не идут дальше police correctionnelle{2}. Во-вторых, какова бы ни была пустота гуляющего шалопаю, даже и он, при всей беззаветности своего легкомыслия, не может оставаться вполне недоступным для некоторых общих впечатлений. И на этот раз общее впечатление, всего вероятнее, будет такого рода: что порядки, не слишком стеснительные для человеческой личности, совсем не так неудобны, как о том повествуется в стране «мудрых». Быть может, этот общий вывод в данном случае прикрывает собой целый ряд дел несомненно пошлого свойства, но сам по себе он все-таки верен и может дать повод для достижения целей далеко не пошлых. А следовательно, как бы ни велика была низменность мотивов, заставляющих мудрого человека стремиться за границу (хотя бы для того только, чтобы наестся свежих устриц), результат этих стремлений, даже помимо его воли, будет скорее в пользу плюса, нежели в пользу минуса.

С каким образовательным запасом ездил и ездит русский человек за границу? – На это обыкновенно отвечают: с весьма малым. И действительно, если мы сделаем оговорку в пользу очень немногих исключений, то должны будем согласиться, что ответ этот справедлив. Один запас несомненно велик – это запас скуки, но с ним одним едва ли можно к чему-нибудь подступиться. Поэтому большинство мудрых людей наслаждается за границей лишь непосредственными, животными благами и только наслаждения этой категории способно сознательно оценить. Большая доступность материальных удобств, отсутствие стесняющих формальностей, возможность безвозбранно говорить вздор (хотя бы и вольнодумный) – вот блага, которые вполне по плечу людям, закоренелым в мудрости. Утверждают, что недостаток образовательного запаса кладет на человека неизгладимую печать, что он лишает его чувства собственного достоинства, заставляет принижаться, увертываться, принимать на слово самые вздорные уверения и вообще играть очень жалкую роль. С этим, конечно, трудно не согласиться. Мы видим на каждом шагу, что человек, который у себя, среди мудрых, вольной рукой разбивал целые армии ямщиков, переехавши за Вержболово, делается ниже травы, тише воды и в каждом обер-кондукторе готов видеть высший организм.{3} Что же, однако, из этого следует? То ли, что человек, не имеющий основательного запаса знаний, должен быть осужден навсегда оставаться дома? Нет, такое заключение было бы и опрометчиво, и жестоко, ибо оно осуждало бы человека на вечную мудрость, что и для неразвитого человека невыгодно и нестерпимо. Теперь он, по крайней мере, поймет выгоду шнельцугов[1] и ретурбилетов[2];{4} тогда он и этого блага лишен. А потому пусть всякий и имеющий запас, и не имеющий его – пусть все пользуются свободой передвижения, несмотря даже на то, что человек, обязанный, по случаю неимения запаса, на каждом шагу разевать рот, должен ощущать адскую неловкость. Самая унижительность этой обязанности должна непременно навести на мысль о ее ненормальности. А это уж результат весьма немаловажный, ибо как только человек убедился в ненормальности какого-нибудь явления, то он уже непременно что-нибудь да предпримет в смысле его устранения.

Таким образом, оказывается, что с какой бы точки зрения мы ни взглянули на существующее в нашем обществе стремление пользоваться чужими порядками, оно не может привести ни к каким другим последствиям, кроме добрых.

И даже в таком случае, когда результатом этого стремления будет книга, подобная изданной Г. Тарасенко-Отрешковым.

поездку во Францию, С. Италию, Бельгию и Голландию. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shc

Говоря по правде, сделанные нами выше замечания об отношениях русских людей к заграничным порядкам относятся к сочинению г. Тарасенко-Отрешкова лишь весьма отдаленным образом. Сочинение это только внешним образом дает повод к размышлениям, само же по себе ничего не доказывает и ни о чем ясного понятия не дает. Это простой сборник замечаний чисто личного свойства, по прочтении которых читатель остается совершенно с тем же запасом сведений, с которым он был и до прочтения. С какою целью ездил автор за границу – не видно; знаком ли он с историей посещаемых им стран, или, по крайней мере, с современным их положением – тоже тайна. Некоторые из его замечаний даже носят на себе характер несомненной странности. Таковы, например, вопрос автора: «разве ваше (французское) правительство не требует, чтобы народ исповедовался и причащался» (стр. 217), или нелепые суждения какого-то киевлянина о безнравственности домашних спектаклей, или, наконец, разделение Парижа, по степени нравственности, на четыре территории, с указанием, в каких кварталах нравственность процветает и в каких оказывается в упадке. Подобных странностей в книге очень много, но, спрашивается, нужны ли они для кого-нибудь?

Окончательное заключение, к которому, впрочем, без особенно строгой последовательности, приходит автор, состоит в том, что на долю Франции и Англии выпала нелегкая задача улучшения быта рабочих и что нам предстоит в близком будущем быть свидетелями процесса приведения этой задачи в исполнение. Вывод этот сам по себе был бы довольно банален, если б автор не прибавил к нему следующее: «Нам, русским, предстоит видеть это, как свидетелям, к которым прикосновение (таков русский язык, которым написана книга) отклонено благотворными, ныне совершающимися или совершившимися у нас преобразованиями государственного строя». С этим, разумеется, нельзя не согласиться, ибо хотя и уверяют некоторые легкомысленные люди, что те преобразования, которые ныне совершаются в России, на Западе Европы давно уж совершились, но очень может быть, что фраза «к которым прикосновение» и т. д. окажется истиною. {5}

Примечания

Условные сокращения

Изд. 1933–1941 – Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений в 20-ти томах, М. – Л. 1933–1941.

ЛН – «Литературное наследство».

Неизвестные страницы – М. Е. Салтыков-Щедрин. Неизвестные страницы. Редакция, предисловие и комментарии С. Борщевского, М. – Л. 1931.

Письма, 1924 – М. Е. Салтыков-Щедрин, Письма. 1845–1889. Под ред. Н. В. Яковлева. Л. 1924.

ОЗ – «Отечественные записки».

С – «Современник».

ИРЛИ – институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), Отдел рукописей.

ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства.

Z. f. sl. Ph. – «Zeitschrift für slavische Philologie». Hsg. von Dr. Max Vasmer. V. IV, Doppelheft 1–2. Leipzig, 1927.

Заметки в поездку во Францию, С. Италию, Бельгию и Голландию. Н. И. Тарасенко-Отрешков. СПб. 1871.

ОЗ. 1871, № 10, отд. «Новые книги», стр. 256–230 (вып. в свет – 16 октября). Без подписи. Авторство указано Р. В. Ивановым-Разумником – М. Е. Салтыков (Щедрин). Сочинения, т. IV, М. – Л. 1927, стр. 642; подтверждено на основании анализа текста С. С. Борщевским – Неизвестные страницы, стр. 555–557.

Автором книги был чиновник и литературный делец, писавший главным образом на экономические темы (еще в 1832 г. он был навязан Пушкину III Отделением в качестве ответственного редактора проектировавшейся поэтом, но несостоявшейся газеты «Дневник»).

Как это часто бывало в рецензиях Салтыкова, и в настоящем случае рецензируемая

поездку во Францию, С. Италию, Бельгию и Голландию. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shc книга – собрание поверхностных и мало связанных «заметок» на разные темы – послужила лишь внешним поводом для того, чтобы высказать ряд принципиальных соображений, здесь – об «отношениях русских людей к заграничным порядкам».

Тема «русский человек за границей» бегло затрагивается Салтыковым уже в очерке «Глухов и глуповцы» в связи с иронической характеристикой «Сидорычей» «вне их родного логовища» (см. т. 4, стр. 205) и затем обстоятельно разрабатывается в майской хронике «Нашей общественной жизни» за 1863 г. [3]. Тогда Салтыков сосредоточил свое внимание на сатирическом типе «гулящего человека», «желудочно-полового космополита», безусловно принадлежащего к «отцам», то есть крепостническому дворянству (подробнее см. прим. к майской хронике и очерку «Русские «гулящие люди» за границей» – тт. 6 и 7). В рецензии на книгу Тарасенко-Отрешкова Салтыков вновь вспоминает об этом типе «гулящего шалопаю». Однако теперь он усматривает и «добрую» сторону в «стремлении пользоваться чужими порядками», даже когда это стремление ограничено «животными» наслаждениями. И если в хронике, например, говорилось о «россиянине, вылезшем из своей скорлупы, чтобы себя показать и людей посмотреть», то в рецензии уже утверждается, что «русский человек стремился за границу совсем не для того только, чтобы людей посмотреть и себя показать, а прежде всего для того, чтобы вкусить иных порядков, ощутить себя в иных жизненных условиях», то есть в условиях «свободы».

В связи с этим Салтыков предлагает припомнить и таких русских путешественников, как, например, автор «Писем из Avenue Marigny», то есть Герцен. Сравнение «своего» и «чужого» в «заметках и письмах путешественников сороковых годов» (здесь, кроме Герцена, разумелись, конечно, П. В. Анненков, автор «Писем из-за границы» и «Парижских писем», В. П. Боткин, автор «Писем об Испании», и др.) было, во всяком случае, положительно, хотя и производило иной раз всего лишь впечатление свойства «дразнящего и вызывающего».

Позднее Салтыков еще не раз обратится к сюжету о русском человеке за границей (например, «Культурные люди») и особенно полно, в рамках более широкой темы – «Россия и Запад», на материале собственных заграничных впечатлений, разработает его в «За рубежом» (1880–1881).

Сноски

1 скорых поездов

2 билет на проезд в оба конца

3 см. т. 6 наст. изд., стр. 99–111; этот раздел хроники под названием «Русские «гулящие люди» за границей» был включен в 1869 г. в сб. «Признаки времени» – т. 7, стр. 86–99

Комментарии

1 ...статьи о Броках и Бруках, о китайских ассигнациях... – Эти статьи появились не в 40-х, а в середине 50-х годов, в начале подъема освободительного движения накануне реформ, и имели иносказательный смысл. Так, например, либеральный тогда «Русский вестник», не имея возможности прямо высказаться о деятельности русского министра финансов П. Ф. Брока, рассуждал об австрийском министре Бруке. Китайские ассигнации – эзопово наименование обесцененных русских бумажных денег; этой теме была посвящена статья Е. И. Ламанского «Ассигнации в Китае» (см. прим. к стр. 126).

2 ...police correctionnelle – исправительная полиция.

3 ...человек, который разбивал целые армии ямщиков... в каждом, обер-кондукторе готов видеть высший организм... – Ср. в «Нашей общественной жизни» (т. 6, стр. 100): «Всякий иностранец кажется ему <гулящему человеку> высшим организмом <...>. В России он ехал на перекладных и колотил по зубам ямщиков; за границей он <...> заигрывает с кондуктором <...>»

4 ...выгоду шнельцугов и ретурбилетов... – Шнельцуг – скорый поезд (нем. Schnellzug). Ретур билет – обратный билет, билет на проезд в оба конца.

5 ...фраза «к которым прикосновение» и т. д. окажется истиною. – Тарасенко-Отрешков, как это видно из цитируемой Салтыковым заключительной фразы его книги, полагал, что реформы 60-х годов в России, «улучшая быт рабочих»,

поездку во Францию, С. Италию, Бельгию и Голландию. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин sa1tykov-shchedrin разрешают тем самым «рабочий вопрос», столь остро стоявший в развитых капиталистических странах. Салтыкову, напротив, было ясно, что реформы создают предпосылки и условия для появления рабочего класса в европейском смысле, ибо «те преобразования, которые ныне совершаются в России, на Западе Европы давно уж совершились».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://saltykov-shchedrin.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!